

УДК 811.161.1*373.2

DOI 10.31654/2520-6966-2019-12f-95-41-49

С. Б. Кураш

кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусской и русской филологии Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина

Гоголь: поэтическая концептуализация личного имени в составе компаративного тропа

Имя Николая Васильевича Гоголя принадлежит к числу прецедентных имён мировой культуры, оно обрело разнообразный опыт концептуализации в различных видах дискурсивных практик – от литературного анекдота до контекстов, пронизанных пафосом патриотизма, высокой художественности, культурно-исторической значимости высшего порядка. В статье анализируется функционирование онима "Гоголь" в текстах русских поэтов XX–XXI вв. (от представителей Серебряного века до современной сетевой поэзии), в которых данный оним функционирует в качестве опорного элемента компаративных тропов (образных сравнений, метафорических конструкций и их комбинаций с другими видами тропов), что ведёт к обретению им статуса лингвокультурного концепта. Большинство собранных примеров иллюстрируют тропическую структуризацию лингвокультурного концепта "Гоголь" как метафорико-символического воплощения великого классика, создавшего галерею бессмертных образов, тонкого обличителя человеческих пороков, одной из наиболее загадочных личностей своего времени, актуализируют прежде всего энциклопедический фонд знаний о Гоголе. При этом оним "Гоголь" функционирует в качестве как "левого элемента" ("сферы-мишени"), так и "правого элемента" ("сферы-источника") компаративных тропических конструкций; используется целым рядом поэтов для создания автометафоры (Я – Гоголь); ономастической метафоры типа "новый Гоголь", "местный Гоголь" и т. д. Всё это свидетельствует о знакомости и актуальности данного личного имени для отечественной и мировой культуры, о его востребованности в концептуальную и языковую картины мира образованного человека, преломлённую сквозь призму поэтической метафорики, о функционировании в качестве одного из аксиологических маркеров индивидуального и коллективного интеллектуально-творческого языкового сознания.

Ключевые слова: Гоголь, оним, троп, метафора, поэзия.

Имя Николая Васильевича Гоголя принадлежит к числу прецедентных имён мировой культуры. Гоголевский интертекстовый пласт начал формироваться уже в современной ему литературной

среде. Произведения Гоголя дали толчок к написанию ряда критических статей и брошюр (В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский, М. С. Щепкин, К. С. Аксаков, А. И. Герцен, Н. А. Добролюбов, Д. И. Писарев и др.), активно обсуждались в живом общении и переписке ряда видных литераторов того времени (А. С. Пушкин, Ф. М. Достоевский, Н. А. Некрасов и др.). Таким образом, уже в современную Гоголю эпоху его произведения стимулировали создание "производных текстов" главным образом в литературно-критическом и эпистолярном дискурсах.

В XX веке гоголевские традиции, мотивы и образы находят своё отражение в творчестве Ф. К. Сологуба, Андрея Белого, Д. С. Мережковского, М. А. Булгакова, В. В. Набокова и многих других литераторов, а прецедентные имена, восходящие к гоголевским текстам, становятся известными каждому школьнику, тем более что многие из этих имён перешли в разряд нарицательных и стали метафорами-символами тех или иных человеческих качеств и типажей.

Наконец, и само имя классика русской, украинской и мировой литературы столь же прочно вошло в ряд знаковых прецедентных имён и обрело разнообразный опыт концептуализации в различных видах дискурсивных практик – от литературного анекдота до контекстов, пронизанных пафосом патриотизма, высокой художественности, культурно-исторической значимости высшего порядка [1].

В пределах данной публикации нас будет интересовать лишь один фрагмент очерченного тексто-дискурсивного пространства – тексты русских поэтов XX–XXI вв., в которых оным *Гоголь* функционирует как опорный элемент компаративных тропов (образных сравнений, метафорических конструкций и их комбинаций с другими видами тропов¹), что ведёт в конечном итоге к обретению им статуса лингвокультурного концепта. "Прецедентный оным в тропе либо употребляется в переносном значении (метафора и метонимия), либо подвергается переструктурированию элементов значения (сравнение), что обогащает контекст дополнительными смысловыми признаками" [2, с. 6].

Как показывают наблюдения, большинство собранных контекстов (а это около 200 выписок в хронологическом диапазоне от "Серебряного века" до "сетевой поэзии") иллюстрируют тропеическую структуризацию лингвокультурного концепта *Гоголь* как

¹ "Ономастические тропы следует признать зоной высокой конвергентности..." [2, с. 15].

метафорико-символического воплощения великого классика, создавшего галерею бессмертных образов, тонкого обличителя человеческих пороков, одной из наиболее загадочных личностей своего времени, реалиста и в то же время романтика, мастера живого слова, гармонично сочетавшего в своём творчестве "русскую" и "малороссийскую" (в терминологии того времени) лингвокультуры и т. п., т. е. актуализируют прежде всего энциклопедический фонд знаний о Гоголе. При этом оним *Гоголь* функционирует в качестве "левого элемента" ("сферы-мишени") компаративного тропа: **X(Гоголь) = Y**.

Так, организованный по принципу "верной" (многоступенчатой) метафоры, соответствующей формуле **X(Гоголь) = Y, Z...N**, текст стихотворения Игоря Бирюкова "Гоголь боль" реализуется через столкновение заглавной ономастической лексемы с рядом иных лексем и даже выражений, весьма различных в плане как денотативного, так и коннотативного компонентов семантики, в том числе аллюзивно связанных с конкретными гоголевскими текстами (*вой, голь, бой, боль, Вий, не убий*), ср.: *Гоголь – вой / по отчаянно мёртвым душам. / Голь, / что согнана на убой. / Гоголь бой, / за которым не будет лучше. / Боль / меж Киевом и Москвой. / Гоголь Вий. / Полуостров. Границы. Реки. / Гоголь мой / и, конечно же, Гоголь твоё. / Опустите стволы. / Не смыкайте навеки веки. / Гоголь. / Всё-таки / не убий.*

В целом ряде контекстов обнаруживаем **метафоро-метонимическое** употребление анализируемого онима. Ср.: *Быть классиком – в классе со шкафа смотреть / На школьников; им и запомнится Гоголь / Не странник, не праведник, даже не щеголь, / Не Гоголь, а Гоголя верхняя треть* (Александр Кушнер). Как видно, поэт, основываясь на метонимической ассоциации "Гоголь – скульптура (бюст) Гоголя" (буквально *Гоголя верхняя треть*), обращает последнюю в метафору поверхностных знаний о великом классике и его творчестве, которые, скорее всего, как опасается поэт, зафиксируются в памяти современных школьников (метафорически *Гоголя верхняя треть* – фрагментарные, поверхностные знания о Гоголе).

Ср. аналогичное (речь идёт о Полтавщине, родине Н. В. Гоголя): *Здесь сердце Гоголем полно / и вслед за ним летит по склонам, / где желтым, розовым, зеленым / шуршит волшебное панно* (Борис Чичибабин), где угадывается наложение метонимической ассоциации "Гоголь – творчество Гоголя" на символично-метафорическую "Гоголь – олицетворение Полтавщины, своей малой родины".

Имя классика функционирует и в качестве национально-культурного эталона, своеобразной точки отсчёта в конструкциях, включающих компонент-оним *Гоголь* в позиции "правого элемента" (сферы-источника) компаративного тропа: *И это Гоголь наших бед, / а ним толпятся избы ведь / И тройка мчит, чтоб целый свет / Из-под копыт забрызгивать, / Или затем, чтоб высечь свет, / Копыта сеют искры ведь!* (Иван Елагин). Генитивная метафора *Гоголь наших бед* по сути концептуализирует оним *Гоголь* как "летописец, правдивый выразитель".

Анализируемый антропоним используется целым рядом поэтов для создания **автотропа**, т. е. конструкции, соответствующей формуле **X(Я) = Y(Гоголь)**. Подобного рода метафора лежит в основе приводимого ниже текста стихотворения Семёна Кирсанова: *Я бедный / медный / я гордый / твердый / сто лет / не севший / сто лет / не евший / я потерпевший / я тут стоящий / ненастоящий / в бульварных липах / в дождях и зимах / в фонарных нимбах / я вымок вымок / поверь прохожий – / я непохожий / умытый гладкий / в чужой крылатке / я встал на цоколь / я Гоголь – / Гоголь?* (Семён Кирсанов).

Аналогичные автотропы, реализованные в виде метафорических и/или сравнительных конструкций, весьма характерны для современной сетевой поэзии (примеры и никнеймы приводятся с сохранением оригинальной орфографии и пунктуации), ср.: *Я без слов пишу с тревогой, / Лыко строк вяжа в душа. / Я сама почти что Гоголь / И ранимая душа* (Иванов Всеволод (Des)); *Ну, так я – почти-что Гоголь! Только он помножить мог / Дураков да на дороги. Мне уже не нужен слог! / Я пишу "ДОРОГА" слово. Асса!!! Ну, я – голова! / Афоризм родил я новый! Нет, вернее целых два!* (Пал Егорыч).

Ряд из подобных примеров иллюстрируют приём антиметафоры – **X(Я) не Y(Гоголь)**, ср.: *Я не Гоголь, грустный фронт, я философ словно Кант!* (Сергей Генн); *И скажу вам ради смеха, / Что ж теперь греха таить, / Я не Гоголь и не Чехов, / И не мог бы ими быть!* (Просветлённый).

Сфера-источник образных ассоциаций может расширяться в тех или иных направлениях, например, "Гоголь → творчество Гоголя", ср.: *Вдруг, / как у Гоголя в "Портрете", / из рамы взглянет ростовщик?* (Семён Кирсанов), или "Гоголь → известные факты из жизни Гоголя", ср.: *И я, глупец, в ту ночь сырую / Не спал, как Гоголь иль Кощей* (Павел Антокольский); *Умру я как Гоголь, сжигая стихи...* (Александр Горский); *Я в Рим влюблялся медленно – как Гоголь* (Марк Польшковский).

Близкими к рассмотренным выше являются примеры с функционированием иных личных местоимений в качестве "сферы-мишени" тропических конструкций с онимом *Гоголь* в зоне "сферы-источника", ср.: *Мы знали и войну, и голод, / готовы жить хоть в шалаше, / но голодаем, словно Гоголь, / по человеческой душе!* (Евгений Евтушенко); *Что вышибло доски гробов, / Что шло из губернского края / В разбеге шлаббаумных столбов, / Что жало нескончаемым горем / Пространство метельной зимы, / Что жало молодые умы / Евангельем, и алкоголем, / И Гоголем, – всё это Мы!* (Павел Антокольский); *Насколько я могу судить, / Писать не может он, как Гоголь, / Но может гоголем ходить* (Иосиф Уткин).

Обращает на себя внимание группа примеров, в которых анализируемый оним, будучи употреблённым в форме множественного числа, референциально соотносится не с конкретным лицом или понятием, а с "расплывчатой" реципиентной областью" [2, с. 7], ср.: *"Честный смех", как благодать, / Может нас пересоздать... / Только где же наши Гоголи? / На святой Руси их много ли / В дни тоскливые, / Молчаливые?* (Леонид Трефолев); *На Руси великих много ли? / Не сумею сосчитать: / Грибоедовы и Гоголи / И иные, им под стать* (Леонид Трефолев). Подобные примеры отражают общеязыковой процесс апелляции онимов, в данном случае – при создании вторичной номинации, когда окказиональная замена естественного для онима *Гоголь* единственного числа на множественное "выполняет обобщающую функцию, которая единичный признак возводит в ранг общего" [3, с. 171].

Встречаются и такие контексты, в которых имя собственное *Гоголь* функционирует в качестве **ономастической метафоры**, выходя за пределы функции прямой референции. Вслед за И. Э. Ратниковой [4] и Т. И. Лариной [2] мы понимаем ономастическую метафору как конструкцию, "которая имеет второй семантический план, базирующийся на энциклопедической семантике имени, и употребляется для экспрессивного обозначения или характеристики объектов, событий, персоналий, выполняя при этом суггестивную функцию" [2, с. 6].

Подобные примеры в основном представлены выражением *Новый Гоголь*, которым, как известно, в своё время Н. А. Некрасов обозначил появление Ф. М. Достоевского в русской литературе: *"Новый Гоголь явился!"* Приведём пример концептуализации ономастической метафоры *новый Гоголь* в постмодернистском ключе.

Новый Гоголь явился: гогочет, гудит
и служанку щипает в сенях.
Он ведь только родился, он весь перевит
пеленами, он весь в простынях.

Он с большой головой, неуклюжий такой.
Слон! идёт, содрогая фарфор.
Ах, не надо, не велено в барский покой,
проводите, ведите во двор.

Он заходит в конюшню, о притолку шмяк,
ему лошади ржут: игого!
Гуттаперчевый нос, багровея, набряк.
Мужики одобряют: ого!

Он поленницу походя лихо разнес,
из подушек повыпустил пух.
Среди пуха и перьев горит его нос,
пламенеет, как красный петух.

Новый Гоголь явился – и все на ушах,
все внештатные враз на посту.
Крепыши с палашами, штыки в камышах
и шлагбаум стоит за версту.

Вся морская пехота, милиция вся,
химзащита, спасательный борт.
Подошли егеря, рюкзаками тряся.
Новый Гоголь – принес его чёрт!

Новый Гоголь идёт, новый хохот дымит
до небес, и не видно земли.
Боже, что это грохнуло? Метеорит?
Обалдеть, сколько леса пожгли...

(Игорь Караулов, "Гоголь")

Из аналогичных примеров приведём такие: *Неунывающий босяк / И в тоже время модный щеголь, / Его воспел наш местный Гоголь – / Великий Бабель Исаак (Юлий Ким); Почти что Гоголь... Скупка мертвецов – / ещё живых, попАми не отпетых. / Прозаику почистят пальтецо / услужливые крупные поэты, /*

*готовые за мелкие гроши / рубить с плеча стихи по тонким
выям...* (Лев Либолов).

Наконец, упоминание личного имени *Гоголь* фиксируется в таких контекстах, которые можно отнести к разряду **метафорико-фантастических**, что вполне согласуется со спецификой художественного мира самого Гоголя, где есть место и мифологическому, и сказочному, и фантастическому, ср.: *Романтический Гоголь! Без всякого смеха / ты вселился в меня, словно трепет в осину, / чтобы я – деловитых времен неумеха – / научалась Отцу поклоняться и Сыну* (Маргарита Мыслякова).

Сразу несколько текстов такого плана (ср., например, ранее цитированный текст А. Кушнера) связаны идеей реализации возможного мира общения с самим Гоголем через слова и мысли, адресованные памятнику классика, в результате чего памятник в воображении поэта-"собеседника" одушевляется, оживает и реагирует так, как реагировал бы его прообраз:

*Поднял взгляд –
Предо мною на мраморном кресле
Сутуло нахмурился бронзовый Гоголь,
Кутаясь в плащ,
Задумчиво голову свесил.
Казалось,
Он мысли мои угадал:
Сегодня октябрьский праздник,
Почему ж я не весел?
Почему я еще
И еще
Непрерывно чего-то искал?
Разве мертвые души не умерли?
Разве в бронзе не бьется сердце?
Гоголь,
Милый,
Рассей мои сумерки, –
Мне сегодня не верится.*

(Александр Кусиков)

Заключение

Таким образом, представленные в пределах данной статьи примеры функционирования онима *Гоголь* в поэтических текстах, созданных в XX–XXI веках, позволяют однозначно констатировать

знаковость и актуальность данного имени для отечественной (в широком смысле) и мировой культуры, свидетельствуют о неослабевающем интересе к личности этого человека, уникального и во многом так и оставшегося загадкой, в современном обществе, о встроенности данного личного имени в преломлённую сквозь призму поэзии концептуальную и языковую картины мира образованного человека, о его функционировании в качестве одного из аксиологических маркеров коллективного интеллектуально-творческого языкового сознания.

Литература

1. Кураш С. Б., Кузьмич В. В. Языковая личность Н. В. Гоголя: испытание интертекстом. *Русский язык и литература*. 2005. № 8. С. 55–59
2. Ларина Т. И. Семантика, структура и функционирование ономастических тропов в русско-, польско- и англоязычной публицистике: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / БГУ. Минск, 2012. 24 с.
3. Шерстюкова Е. В. Апеллятивация имен собственных личных как способ вторичной номинации. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2011. № 3 (10). С. 169–171.
4. Ратникова, И. Э. Имя собственное: от культурной семантики к языковой. Минск: БГУ, 2003. 214 с.

References

1. Kurash, S. B., Kuz'mich V. V. (2005). *Yazykovaya lichnost' N. V. Gogolya: ispytanie intertekstom* [The linguistic personality of N. V. Gogol: intertext testing]. *Russkij yazyk i literatura – Russian language and literature*. № 8. 55–59.
2. Larina, T. I. (2012). *Semantika, struktura i funkcionirovanie onomasticheskikh tropov v rusko-, pol'sko- i angloyazychnoj publicistike* [The semantics, structure and functioning of onomastic tropes in Russian, Polish and English-language journalism] Abstract of candidate's science thesis. Minsk: BSU [in Russian].
3. Sherstyukova, E. V. (2011). *Apellyativaciya imen sobstvennykh lichnykh kak sposob vtorichnoj nominacii* [Appeal of personal names as a way of secondary nomination]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Questions of theory and practice*. № 3 (10). 169–171.
4. Ratnikova, I. E. (2003). *Imya sobstvennoe: ot kul'turnoj semantiki k yazykovoj* [Proper name: from cultural semantics to language]. Minsk: BGU.

С. Б. Кураш

кандидат філологічних наук, доцент кафедри білоруської та російської філології Мозирського державного педагогічного університету імені І. П. Шамякіна

Гоголь: поетична концептуалізація особистого імені у складі компаративного тропу

Ім'я Миколи Васильовича Гоголя належить до прецедентних імен світової культури, воно набуло різноманітного досвіду концептуалізації в різних видах дискурсивних

практик – від літературного анекдоту до контекстів, пронизаних пафосом патріотизму, високої художності, культурно-історичної значущості вищого порядку. У статті аналізується функціонування онима "Гоголь" у текстах російських поетів ХХ–ХХІ ст. (від представників Срібного століття до сучасної мережевої поезії), в яких даний оним функціонує як опорний елемент компаративних тропів (образних порівнянь, метафоричних конструкцій та їх комбінацій з іншими видами тропів), що веде до набуття ним статусу лінгвокультурного концепту. Більшість зібраних прикладів ілюструють тропейчну структурування лінгвокультурного концепту Гоголь як метафорико-символічного втілення великого класика, який створив галерею безсмертних образів, тонкого викривача людських вад, однією з найбільш загадкових постатей свого часу, актуалізують насамперед енциклопедичний фонд знань про Гоголя. При цьому оним "Гоголь" функціонує як "лівий елемент" ("сфера-мішень"), так і "правий елемент" ("сфера-джерело") компаративних тропейчних конструкцій; використовується цілою низкою поетів для створення автометафори (Я – Гоголь); ономастичної метафори типу "новий Гоголь", "місцевий Гоголь" і т. д. Все це свідчить про знаковість та актуальність даного особистого імені для вітчизняної і світової культури, про його убудованість в концептуальну і мовну картини світу освіченої людини крізь призму поетичної метафорики, про функціонування як одного з аксіологічних маркерів індивідуальної і колективної інтелектуально-творчої мовної свідомості.

Ключові слова: Гоголь, оним, троп, метафора, поезія.

S. B. Kurash

Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Belarusian and Russian Philology, Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin

Gogol: The poetic conceptualization of the personal name In the structure of comparative trope

The name of Nikolai Gogol belongs to the number of precedent names of world culture, it has gained a diverse experience of conceptualization in various types of discursive practices – from a literary anecdote to contexts accompanied by the pathos of patriotism, high artistry, cultural and historical significance of the highest order. The functioning of onym Gogol in the texts of Russian poets of the XX–XXI centuries (from representatives of the Silver age to modern network poetry) is analyzed in the article. The contexts in which this onym functions as a reference element of comparative tropes (figurative comparisons, metaphorical constructions and their combinations with other types of tropes) are studied, which leads to its acquisition of the status of a linguocultural concept. Most of the collected examples illustrate the tropical structuring of the linguocultural concept of Gogol as a metaphorical and symbolic embodiment of the great classic, who created a gallery of immortal images, subtly denouncing human vices, one of the most mysterious personalities of his time, they actualize primarily the encyclopedic fund of knowledge about Gogol. The name Gogol is functioning as the "left elements" ("scope target"), and the "right elements" ("sphere source") of the comparative tropes constructions; it is used by a number of poets to create the autometaphors (I am Gogol), onomastic metaphors like the new Gogol, the local Gogol, etc. This indicates the significance and relevance of this personal name for domestic and world culture, about its embeddedness in the conceptual and linguistic picture of the world of the educated man, refracted through the prism of metaphor, about functioning as one of the axiological markers of individual and collective intellectual and creative innovations.

Key words: Gogol, onym, trope, metaphor, poetry.